

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

№

16.

Адресъ редак-
ціи: Успенская
площадь, Ду-
ховная Семи-
нарія.

ЦѢНА за годовое
изданіе съ достав-
кою и пересыл-
кою 5 руб. 50 к.,
за 1/2 года 3 р.,
3 мѣс. 1 р. 50 к.,
1 мѣс. 50 к., отд.
номеръ 30 коп.

За объявленія за страницу: въ первый разъ 10 рублей, даѣе по 5 рублей.
За половину и четверть страницы въ соответственное число разъ меньше.

Августъ 15. ГОДЪ ЛГ. **1914 годъ.**

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Иркутской церковно-учи-
тельской семинаріи, окончившихъ полный
курсъ ученія въ 1914 г.

І-й РАЗРЯДЪ.

1) Кучинъ Павелъ, 2) Рубцовъ Илья, 3) Тара-
совъ Сергѣй, 4) Дѣдовецъ Игнатій и 5) Просвиоровъ
Теодоръ—*удостоены аттестатовъ*; 6) Зотинъ Петръ,
7) Аванасьевъ Василій, 8) Сивцевъ Виталій, 9) Мпро-
мановъ Василій и 10) Старицынъ Илья—*удостоены*
свидѣтельствъ.

II-й РАЗРЯДЪ.

11) Зиминъ Кирилль, 12) Гавриловъ Сергѣй, 13) Краснопѣевъ Иона, 14) Шевцовъ Даніилъ, 15) Абалемовъ Николай, 16) Шустовъ Павелъ, 17) Поздняковъ Григорій, 18) Хайдуровъ Максимъ и 19) Ангановъ Николай—*удостоены свидѣтельствъ.*

Завѣд. Семинаріей *Архимандритъ Кирилль.*

Дѣлопроизводитель *А. Алякринскій.*

СПИСОКЪ

воспитанницъ Иркутскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, въ текущемъ году окончившихъ курсъ ученія, переведенныхъ въ старшіе классы, имѣющихъ сдать экзамены и перезаменовки въ августъ и оставленныхъ на повторительный курсъ.

Окончили курсъ ученія воспитанницы VI класса:

Бородина Глафира, Вавилова Варвара, Волочнева Татіана, Георгіевская Ольга, Кашелявская Екатерина, Кузнецова Анна, Кузнецова Екатерина, Морева Елена, Паргачевская Анна, Пономарева Лидія, Попова Гликерія, Пѣтелина Ольга, Райская Калерія, Рябова Анастасія, Смолоникъ Ольга, Чефранова Маріамна, Шастина Любовь.

Оставляется на повторительный курсъ по болѣзни Берденникова Ольга.

Воспитанницы V класса, переведенныя въ VI классъ:

Багрянцева Марія, Громова Александра, Гусева Софія, Затопляева Александра, Каблукова Нина, Киселева Анна, Короткоручко-Рутченко Марія, Корсунская Марія, Кропотова Людмила, Логинова Надежда, Орлова Лидія, Пляскина Елизавета, Пляскина Серафима, Покровская Капеталина, Попова Клавдія 1-ая, Попова Клавдія 2-ая, Попова Лидія, Самсонова Анна, Саффиорова Анна, Скорубская Марія, Солдатова Ани-

сія, Титова Ксенія, Успенская Елена, Часоводова Марія.

Титова Елизавета имѣтъ держать экзамены въ августѣ. Имѣютъ сдать переэкзаменовки: Сидорова Антонина и Хлыновская Марія по русскому языку письменно. Оставлены на повторительный курсъ: Затопляева Серафима, Подгорбунская Марія и Смоловикъ Надежда.

Воспитанницы IV класса, переведенныя въ V классъ:

Берденникова Елена, Бѣляевская Анна, Головшикова Надежда, Гусева Серафима, Дмитріева Ираида, Камышлова Александра, Комиссаренко Елена, Копылова Вѣра, Миленкова Александра, Милетинская Ольга, Подгорбунская Елизавета, Смирнова Нина, Стукова Анна, Титова Марія.

Имѣютъ сдать переэкзаменовки: Бобровникова Вѣра—по русскому языку письменно и ариѳметикѣ, Литвинцева Марія и Титова Евгенія—по Закону Божію, Малова Юлія—по русскому языку письменно, Пономарева Марія—по Закону Божію и ариѳметикѣ, Пономаревская Августа—по русскому языку письменно и физикѣ, Попова Марія и Θεологова Лидія—по ариѳметикѣ.—Оставлены на повторительный курсъ: Сандаровичъ Анна, Телятьева Марія и Титова Лидія.

Воспитанницы III класса, переведенныя въ IV классъ:

Берденникова Надежда, Быстрова Евфалія, Васильева Софія, Григорьева Ольга, Громова Марія, Куликова Капетолина, Мичурина Ольга, Назанская Нина, Пляскина Агриппина, Пляскина Ольга, Попова Александра, Суханова Надежда, Успенская Татіана, Холмовская Фелицата, Цвѣткова Нина.

Имѣютъ сдать переэкзаменовки: Грудинина Евдокія, Казанцева Алевтина, Попова Галина и Чефранова Анна—по ариѳметикѣ, Кедрова Антонина, Киселева Параскева, Короткоручко-Рутченко Нина, Литвин-

пева Ольга, Мичуринъ Валентина, Смирнова Евфалія, Смирнова Татіана и Θεологова Серафима—по русскому языку письменнo, Образцова Марія и Протасова Евстолия—по ариѳметикѣ и гражданской исторіи, Старцева Валентина—по ариѳметикѣ и естествовѣдѣнію.—Оставлены на повторительный курсъ: Бенкогенова Клавдія, Копылова Елена, Покровская Анна, Попова Агнія и Преловская Ольга.—Ареѳьева Евдокія увольняется по прошенію.

Воспитанницы II класса, переведенныя въ III классъ:

Булычева Анисія, Быстрова Клавдія, Бѣляевская Елена, Волкова Клавдія, Затопляева Марія, Затопляева, Надежда, Канаровская Евгенія, Кokoулина Александра, Пономаревская Зинаида, Пѣтелина Лидія, Савватѣева Августа, Сапфилова Анна, Сивцева Марія, Яніюсъ Таисія.

Имѣютъ сдать перекзаменовки: Березовская Анна, Корнакова Антонина и Макушева Лидія—по русскому языку письменнo, Волкова Марія и Кострова Елизавета—по ариѳметикѣ.

Воспитанницы I класса, переведенныя во II классъ.

Берденникова Любовь, Дубова Марія, Казанцева Марія, Ларева Марія, Ловлева Ангелина, Муштаева-Иванова Лидія, Назанской Александра, Никольская Клавдія, Онисимова Марія, Пляскина Марія, Пономаревская Вѣра, Смирнова Юлія, Шавгина Юлія, Шелашникова Антонина.

Имѣетъ сдать перекзаменовки: Пляскина Калліпія, Попова Марія 1-ая и Попова Марія 2-ая—по русскому языку письменнo, Шехурдина Елизавета и Шорохова Марія—по ариѳметикѣ.—Оставлены на повторительный курсъ: Rogозинская Клавдія и Суходольская Марія.

Начальница училища *К. Левитская.*

Инспекторъ классовъ свящ. *Н. Часоводовъ.*

Отъ предсѣдателя Иркутскаго Епархіального Ревизионнаго Комитета.

Всѣ лица и учрежденія, имѣющія касательство къ Епархіальному Ревизионному Комитету, имѣють направлять всякую корреспонденцію и посылки по адресу предсѣдателя Комитета: Иркутскъ, Николаевскій Институтъ.

Предсѣдатель Ревизионнаго Комитета
Священникъ Николай Пономаревъ.

Благодарность.

Причтъ Казачинской Николаевской церкви, Киренскаго уѣзда, благочинія 1 округа, приноситъ чувствительную благодарность крестьянину Мартыновской волости, Карнауловской деревни, Константину Алексѣеву Рупасову за пожертвованные имъ для созданія новаго храма въ селѣ Казачинскомъ во имя Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца тридцати пудовъ ржи и двухъ пудовъ на Казачинское школьное попечительство, всего 32 пуда на сумму 36 руб. 80 коп. и за ранѣе пожертвованные имъ 10 руб. на напрестольный крестъ.

Причтъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ молиться предъ престоломъ Всевышняго о здоровьи добротнаго жертвователя и просить Господа, чтобы Православная Русь не оскудѣвала такими добротными дателями на благо св. церкви.

Священникъ *Флоръ Матвѣевъ.*

Псаломщикъ *Исаакій Кутинскій.*

За церковнаго старосту *Феодоръ Антипинъ.*

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ИРКУТСКИМЪ

Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

АВГУСТЪ 15.

№ 16.

1914 года.

Чудеса по молитвамъ Блаженнаго Епископа Софронія.

IX. Сего 1898 года 1-го сентября во вторникъ, въ 11 часовъ дня, въ мою квартиру (ключаря Иркутскаго каедральнаго собора священника Милія Чефранова) пришла жена таможеннаго чиновника (нынѣ въ отставкѣ за выслугою пенсіи) Николая Скворцова—Анастасія Скворцова и, между прочимъ, сообщила мнѣ, что когда при Преосвященномъ архіепископѣ Парфеніи уже много лѣтъ тому назадъ открыли пещеру съ гробницею Св. Софронія, то многіе сходились въ Богоявленскій соборъ: одни—по благоговѣнію и вѣрѣ, другіе—по любопытству, въ числѣ послѣднихъ была и я съ мужемъ. Стоя у пещеры и слыша запахъ сырости съ плѣсенью и затхлостью, подумала про себя, а можетъ быть, и сказала: „какіе это мощи? Аромата нѣтъ; покойникъ,—покойникъ и есть, а не мощи, и гробъ обыкновенный“. Постоявши, мы пошли домой. Послѣ оказалось, что и мужъ мой, стоя со мною у пещеры, тоже подумалъ про себя. Приходимъ домой, а у сына нашего, котораго мы оставили выходя изъ дома здоровымъ, оба глаза совершенно заплыли гноемъ. Промыванія не помогали. Я сразу поняла, что это Святитель Софроній меня наказалъ за мое невѣріе.

худыя мысли о Софроніи и обѣщала отслужить по Св. Софроніи панихиду. Оказалось, что и мужъ мой тоже о мощахъ думалъ, что это обыкновенный и простой мертвецъ. И вотъ, ему въ ту же ночь снится, будто онъ и много другихъ любопытныхъ стояли въ соборѣ надъ пещерою, гдѣ почиваетъ Святитель, и разсуждаютъ о происходящемъ въ нетлѣнномъ гробѣ Святителя Софронія. И вотъ будто бы растворились парскія врата Казанскаго придѣла, выходитъ Св. Софроній съ жезломъ въ рукѣ и махая жезломъ громко говорить: „вонъ, вонъ отсюда, негодные“! Мы бѣжать... И мужъ проснулся. Послѣ сего сна мужъ мой все время боялся ходить въ соборъ, боясь грознаго голоса Святителя Софронія. А узналъ онъ его по портрету, висѣвшему на стѣнѣ у мѣста погребенія. Какъ только я дала обѣщаніе отслужить панихиду, все мнѣ не удавалось побывать къ соборѣ (мы тогда жили въ Иркутскѣ) и глаза ребенка снова начали заплывать гноемъ; я снова дала обѣщаніе отслужить панихиду, болѣзнь проходила; когда не отслужу панихиды, болѣзнь возвращалась. Боясь, чтобы мальчикъ не ослѣпъ, я пошла въ соборъ отслужить панихиду на сухомъ рисѣ. Пришедши домой, наваромъ отъ риса промывала гной и глаза поправились. Съ того времени я всегда и всѣмъ говорила о Св. Софроніи. Еще она рассказала о томъ, какъ у одной женщины въ Кяхтѣ заболѣлъ мальчикъ, самъ сталъ сохнуть, а животъ расти. Чѣмъ она ни лечила, ничто не помогало, и лекарства, и простыя домашнія средства и русскихъ, и китайцевъ, и буряты. Услышавъ отъ нея о ея горѣ, я посовѣтовала отсужить панихиду по Святителѣ Софроніи и водою съ панихиднаго рису поить мальчика. И она на 4-й недѣлѣ Великаго поста въ субботу пришла ко мнѣ и мы вмѣстѣ пошли въ соборъ; тамъ было очень много причастниковъ и священникъ отказывался служить. По настоятельной

просьбѣ нашей онъ отслужилъ литію, водою съ панихиднаго рису мать стала поить ребенка, а рисъ сварила и дала сыну въ видѣ каши. Мальчикъ быстро выздоровѣлъ. Окончивъ это, рассказчица добавила: я уже много видѣла и слышала о чудесахъ Св. Софронія. Живя въ Троицкосавскѣ, я уже давно собиралась въ Иркутскъ, но, то старость, то недостаток, то не съ кѣмъ, все это мнѣ мѣшало побывать въ Иркутскѣ. Но вдругъ я потеряла зрѣніе; лечиться побоялась, но дала обѣщаніе побывать въ Иркутскѣ и помолиться у мощей Святителей Иннокентія и Софронія, но опять отложила. И когда я стала окончательно терять зрѣніе, то со слезами просила прощенія за неисполненіе обѣта и побывала наконецъ. Когда я вторично ослѣбла, пошла къ Споручницѣ грѣшныхъ. И плача предъ иконой, говорила: „Споручница наша! Ты устрой, чтобы мнѣ побывать въ Иркутскѣ, пошли мнѣ средства и помощь“. И вотъ, получаю отъ дочери изъ Киренска телеграмму: „мама, пріѣзжай въ Иркутскъ, я высылаю деньги“. Такъ я и пріѣхала. Все рассказанное согласна подтвердить присягою. Разказала сѣдая сухая старушка.

X. 1900 года 4 мая заявила крестьянка Вятской губерніи Наталія Оминыхъ 39 лѣтъ, что видѣла въ 1900 году въ первый день Св. Пасхи Святителя Софронія въ 2 часа дня, идучи изъ Вознесенскаго монастыря, стоящаго въ дверяхъ Богоявленскаго собора въ сіяніи.

БАПТИЗМЪ.

(Исторія появленія и распространенія секты; ея ученіе, характеръ и способы пропаганды; мѣры борьбы съ распространеніемъ лжеученія).

(Продолженіе).

Нельзя не отмѣтить, въ качествѣ условія, благоприятствующаго распространенію баптизма, доступ-

ность сектантскихъ моленій, совершаемыхъ на общепонятномъ народномъ языкѣ, отличающихся простотою и несложностью и предоставляющихъ возможность каждому принимать активное участіе въ богомоленіи—толкованіемъ текста писаній, чтеніемъ импровизированныхъ молитвъ и пѣніемъ духовныхъ стиховъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что для лицъ, наименѣе культурныхъ, какъ въ умственномъ развитіи, такъ и въ религіозномъ отношеніи, убогія—своею крайнею односторонностью—по содержанію и сантиментальныя до приторнаго по характеру, молитвы и духовные стихи, распѣваемые на мотивъ народныхъ пѣсень, являются болѣе близкими и доступными, чѣмъ величественное богослуженіе Православной церкви, исполненное глубины и возвышенности христіанскаго ученія, нагляднымъ выраженіемъ котораго и является нашъ богослужебный культъ.

Далѣе, въ баптизмѣ привлекательнымъ для простаго народа является ученіе объ оправданіи одною вѣрою въ искупительныя заслуги Христа, безъ добрыхъ дѣлъ.

По этому ученію, каждому человѣку необходимо вѣровать, что Христосъ своими крестными заслугами принесъ спасеніе всѣмъ людямъ, а слѣдовательно, и ему, въ частности; и эта вѣра даетъ человѣку спасеніе, независимо отъ его дѣлъ, которыя не могутъ имѣть значенія заслуги предъ Богомъ и потому въ дѣлѣ достиженія спасенія—значенія не имѣютъ.

Чтобы не быть голословными, баптисты стараются обосновать свое ученіе на Св. Писаніи, именно на слѣдующихъ словахъ апостола Павла: а) „мы признаемъ, что человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“ (Римл. III, 28); б) „узнавши, что человѣкъ оправдывается не дѣлами закона,

а только вѣрою въ Иисуса Христа“... (Гал. II. 16) и в) „Благодатью Вы спасены черезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился“ (Ефес. II, 8—9),—не желая понять, что здѣсь они совершенно произвольно навязываютъ апостолу тѣ мысли, которыя необходимо имъ защитить.

Для всякаго безпристрастнаго и добросовѣстнаго толкователя этихъ мѣстъ видно, что прежде всего, подъ „дѣлами закона“ здѣсь апостоль имѣеть въ виду не подвиги христіанскаго совершенствованія, а дѣла ветхозавѣтнаго закона (что подтверждается и общимъ содержаніемъ этихъ посланій), формальнымъ выполненіемъ которыхъ думали заслужить спасеніе евреи, не имѣющіе вѣры въ Иисуса Христа. Съ другой стороны, если апостоль говоритъ здѣсь только объ оправданіи вѣрою, не упоминая о необходимости для сей цѣли христіанскихъ добродѣтелей, то это конечно не случайная недоговоренность или неточность. Слово „оправданіе“ надо понимать въ двойномъ смыслѣ, или, точнѣе, въ оправданіи надо различать двѣ стадіи—начало спасенія и окончательнаго завершенія Его, оправданіе—объективное и оправданіе—субъективное. Первое бываетъ тогда, когда человѣкъ божественною благодатью призывается въ Церковь Христову и получаетъ оправданіе и возрожденіе въ таинствѣ крещенія и миропомазанія не по своимъ заслугамъ, конечно, а единственно по вѣрѣ въ искупительныя заслуги Христа. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать слѣдующія слова Спасителя: „никто не можетъ прійти ко мнѣ, если не привлечетъ его Отець, пославшій Меня“ (Іоан. VI, 44).

Но это только начало спасенія; оно служитъ лишь необходимымъ условіемъ окончательнаго оправданія человѣка, которое получить онъ въ день

страшнаго суда и которое будетъ состоять въ вѣчномъ блаженствѣ на небѣ... Вступившій въ Церковь Христову не становится сразу на высшую ступень нравственной чистоты и совершенства, онъ теперь только, по выраженію апостола, препоясываетъ чресла свои надежнымъ оружіемъ борьбы съ кознями врага человѣческаго рода, получаетъ возможность освящать и подкрѣплять свои духовныя и тѣлесныя силы благодатнымъ воздѣйствіемъ въ таинствахъ, чтобы восходить отъ силы въ силу, въ мѣру возраста исполненія Христова. Слѣдовательно, для усвоенія искупительныхъ заслугъ Христа требуется отъ человѣка сознательное и дѣятельное отношеніе къ своему спасенію, для чего нужна не одна только вѣра, но и добрыя дѣла, въ коихъ первая, какъ начало живое и дѣятельное, необходимо должна проявляться.

Вотъ почему, тотъ же апостоль Павелъ въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій со всею ясностью и опредѣленностью, недопускающею никакихъ криво толковъ, говоритъ о необходимости для спасенія христіанина добрыхъ дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте (Фил. II, 12); „О Христвъ Исусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовью поспѣшествуема (Гал. V, 6). „Если имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“ (1 Кор. XIII, 2); и на страшномъ судѣ, по слову апостола, каждый получитъ, соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ,—доброе или худое (2 Кор. V, 10).

Надо ли излагать ученіе о семъ другихъ апостоловъ, какъ на примѣръ, апостола Іоанна, Іакова, изъ коихъ послѣдній прямо говоритъ, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“, какъ тѣло безъ духа (Іоан. II, 26) и, наконецъ, ясное свидѣтельство самого Іисуса

Христа, заключающееся въ словахъ: „Не всякъ обращающійся ко мнѣ, Господи, Господи, получить царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего, Который на небесахъ“ (Мѣ. VII, 21), а равно и въ изображеніи Имъ картины страшнаго суда, утверждающей насъ въ той мысли, что царства небеснаго сподобятся тѣ, которые „алчущаго накормили, жаждущаго напоили, нагого одѣли, больного посѣтили и проч. (Мѣ. XXV, 34—36). Кажется, для всякаго, не утратившаго способности разсужденія, должно быть яснымъ, что если апостоль Павелъ во многихъ мѣстахъ своихъ посланій со всею ясностью говоритъ о необходимости для спасенія христіана добрыхъ дѣлъ, то какимъ образомъ могъ тотъ же апостоль себѣ противорѣчить въ тѣхъ словахъ, на которыя указываютъ сектанты? И какъ могъ онъ разойтись съ не менѣе опредѣленнымъ ученіемъ о семъ самого Иисуса Христа и другихъ апостоловъ? Уже одно это соображеніе должно было бы побудить сектантовъ внимательнѣе относиться къ толкованію слова Божія, удерживая ихъ отъ подобныхъ скороспѣлыхъ и необоснованныхъ заключеній.

Но таковъ характеръ, какъ было сказано выше, экзегетическихъ приемовъ всѣхъ сектантовъ—вообще.

Итакъ, ученіе баптизма объ оправданіи человѣка одною вѣрою является совершенно не состоятельнымъ и въ нравственномъ отношеніи несомнѣнно вреднымъ; а между тѣмъ, оно является важною приманкою для людей безпечныхъ въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія, освобождая ихъ отъ необходимости—самоотверженной борьбы со своими грѣхами и соблазнами мірскими и исполненія христіанскихъ добродѣтелей. Но и этого мало. Примѣняя означенное ученіе къ своей сектѣ, баптисты договариваются до конца. Если, говорятъ они, оправ-

дываетъ человѣка только одна вѣра въ то, что искупительныя заслуги Христа будутъ зачтены грѣшнику и дадутъ ему спасеніе, то мы, какъ искренно и глубоко содержащіе эту вѣру въ свое спасеніе—силою крестныхъ заслугъ Христа, дѣйствительно уже спасены и святы. Послушайте, какія рѣчи раздавались, напримѣръ, на всероссійскомъ съѣздѣ баптистовъ, бывшемъ въ сентябрѣ 1910 г. въ С.-Петербургѣ: „Наша великая Россія переполнена разными народами, а Петербургъ полонъ народомъ образованнымъ. Но среди культурнаго люда есть разные классы: одни представляютъ изъ себя міръ, а другія Спасителевыхъ людей,—это наше собраніе. Эти Спасителевы люди уже имѣютъ спасеніе, потому что Господь сжалился надъ ними, послалъ Своего Единороднаго Сына... Многіе приняли Сына и вняли Ему, но большая часть осталась глуха къ Его призывамъ... Какъ грустно быть въ рабствѣ грѣха! Какъ радостно быть сынами Божиими, поучаться у Него, вѣрить въ вѣчную, всеблаженнѣйшую жизнь“.

Видите, какъ далеко заходитъ горделивое самопревозношеніе и самообольщеніе баптистовъ, однихъ себя признающихъ наслѣдіемъ и удѣломъ Божиимъ, избранными ко спасенію по предвѣчному предопредѣленію Божию, забывая слово Писанія, что „Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и въ разумъ истины пришли (I Тим. II, 4), что Онъ долготерпитъ насъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“ (2 истр. III, 9), что Сынъ Божій есть умиловивленіе за грѣхи всего міра (I Іоан. II, 2) и мн. др.

А между тѣмъ, это нелѣпое ученіе о мнимой святости и особомъ предъизбраніи баптистовъ также является приманкою для людей съ немощною религіозною совѣстью.

Вообще, слѣдуетъ сказать, что обладая сильнымъ стремленіемъ къ пропагандѣ, баптизмъ старается исповѣдывать въ данномъ случаѣ всевозможныя средства, поражая насъ своею настойчивостью и неутомимостью.

Баптисты распространяютъ сектантство въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на большихъ узловыхъ станціяхъ, на базарахъ, ярмаркахъ, въ отдаленныхъ деревняхъ и хуторахъ, всюду обильно распространяя свою литературу и отравляя своимъ лжеученіемъ простецовъ. Мало того, съ этою же цѣлью сектанты предпринимаютъ экскурсіи по большимъ рѣкамъ, напримѣръ, по Волгѣ, особенно во время Нижегородской ярмарки, когда бываетъ большое скопленіе пассажировъ. Въ эти путешествія берется хоръ и специальные проповѣдники, такъ что каждый по своему ведетъ пропаганду: хоръ—пѣніемъ духовныхъ стиховъ, проповѣдники—произнесеніемъ поученій, а рядовые сектанты—веденіемъ бесѣдъ съ пассажирами.

Божественная пропаганда не забыла даже нашихъ женщинъ въ большихъ городахъ, съ какою цѣлью въ Петербургѣ въ 1910 году была организована „уличная миссія“.

Главная же сила баптизма заключается въ томъ, что миссія баптистовъ носитъ народный характеръ.

На одной изъ конференцій русскихъ баптистовъ (въ Кубанской области въ 1886 г.) было принято слѣдующее постановленіе: „каждый членъ, вступающій въ церковь, при вступленіи даетъ обѣщаніе посильно содѣйствовать распространенію Евангелія. Если же на дѣлѣ отказывается исполнять свое обѣщаніе, то уже перестаетъ быть членомъ церкви и подлежитъ отлученію“.

Такимъ образомъ, пропаганда баптизма является однимъ изъ необходимыхъ обѣтовъ каждаго всту-

пающаго въ секту; понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, не можетъ быть особой осмотрительности въ выборѣ средствъ. Всякое средство хорошо—постольку, поскольку оно достигаетъ цѣли. Приведу нѣсколько фактовъ. Одинъ изъ сектантовъ, желая подорвать въ православной вѣрѣ въ необходимость почитанія иконъ, рубилъ на глазахъ икону Божіей Матери топоромъ и топталъ ногами, кощунственно убѣждая: „если бы это былъ Богъ, то онъ покорчилъ бы мнѣ руки, а то видишь, онъ самъ не можетъ ни ходить, ни говорить“.

Другой сектантъ, убѣждая крестьянку-вдову послѣ 3-го брака перейти въ секту, соблазняя ее тѣмъ, что она будетъ повѣнчана въ 4-й разъ. Тотъ же сектантъ увѣрялъ одного православнаго съ женой, что скоро весь народъ обратится въ штундобръбаптизмъ и тогда всѣ будутъ равны; золото, серебро и все другое будетъ общее, магазины съ вещами и всякими товарами будутъ открыты и всякій будетъ брать бесплатно то, въ чемъ нуждается.

Одинъ изъ баптистовъ (въ Сибири), заявивъ о своей принадлежности къ сектѣ, указываетъ истинные мотивы къ переходу: мнѣ сорокъ рублей въ мѣсяцъ платить будутъ, если я обращу двадцать душъ“. Подобными приемами пропаганды не пренебрегаютъ и самые руководители баптизма.

На собраніи баптистовъ въ Омскѣ (въ 1910 г.) извѣстный Павловъ въ своей рѣчи, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: „Мнѣ хочется рассказать вамъ о великихъ чудныхъ дѣлахъ Божіихъ, бывшихъ со мною въ нынѣшнемъ году“... и далѣе рассказываетъ о своемъ арестѣ въ Одессѣ. „Когда вели меня въ тюрьму, я радовался и вспоминалъ слова Христа: „Блаженни изгнанные за правду“. И апостолы сидѣли въ тюрьмахъ за слово Божіе. Когда я сидѣлъ, то просилъ Искупителя, чтобы Онъ по-

скорѣ вывелъ меня изъ тюрьмы. И вдругъ приходятъ надзиратели и выводятъ меня на свободу. Чудныя дѣла творить Господь съ любящими Его“.

Такова внѣшняя организація сектантской миссіи, характеръ и способы ея пропаганды.

Наконецъ, остается намъ сказать о мѣрахъ борьбы съ распространеніемъ среди православнаго люда сектантскихъ заблуженій и, въ частности, баптизма.

Чтобы не злоупотреблять вниманіемъ почтеннаго собранія, я ограничусь лишь сжатымъ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя можетъ и должна использовать противосектантская миссія.

Для защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ существуетъ военная сила, которая составляется не только изъ лицъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, но и въ запасѣ; послѣдніе призываются къ дѣятельности, въ качествѣ ополченія, въ томъ случаѣ, когда странѣ грозитъ серьезная опасность отъ враговъ.

Нѣчто подобное въ своей организаціи должна представлять и миссія противосектантская.

Въ виду того, что въ настоящее время сектантство всѣхъ родовъ ведетъ усиленную атаку противъ православной церкви, необходимо мобилизовать всѣ силы на борьбу со врагомъ, необходимо привлечь къ этому дѣлу кромѣ лицъ, по своему положенію стоящихъ на стражѣ православія, и всѣхъ рядовыхъ его членовъ, чтобы миссія наша не только носила характеръ specialнаго учрежденія, но было народною—въ широкомъ значеніи этого слова.

Церковь земная носитъ названіе церкви „воинствующей“; но такъ какъ въ составъ ея входятъ не одни пастыри, но и пасомые, то и въ дѣло за-

щиты православнаго ученія должна участвовать та и другая сторона.

Соотвѣтственно этому и способы борьбы съ сектантствомъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи.

Попеченіе о душахъ православныхъ христіанъ лежитъ на обязанности ихъ духовныхъ руководителей-пастырей церкви. Естественно, что послѣдніе и являются, прежде всего, миссіонерами на нивѣ Христовой.

Для этой цѣли они должны пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ даннымъ имъ правомъ учительства, не ограничиваясь при этомъ только временемъ богослуженія,—согласно повелѣнію апостола Павла: „проповѣдуй слово, стой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщывай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. IV, 2).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій наставникъ юности.

Проф. В. В. Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви. Т. I. 1907 г. Томъ II. 1910 г. Томъ III. 1913 г.

А. Бриллиантовъ. Профессоръ Василій Васильевичъ Болотовъ. Біографическій очеркъ.

А. Бриллиантовъ. Къ характеристикѣ ученой дѣятельности проф. В. В. Болотова.

Читаешь что-нибудь, крупное ли, мелкое ли, изъ семинарской и духовно-академической жизни, и точно вводишь душу свою въ тихую заводь, куда поистинѣ не плещетъ житейское море... Не плещетъ ни гнѣвъ, ни ярость, ни разодраніе сердца. Тихо шелестятъ листы старинныхъ огромныхъ, огромнѣйшихъ книгъ! У В. В. Болотова сдѣлалась даже какая-то болѣзнь лѣваго колѣна или бедра, не то припухлость, не то ра-

на, ибо обыкновенно цитируемый—конечно громаднѣйшій—томъ онъ имѣлъ привычку всѣ 20 лѣтъ ставить на это лѣвое колѣно. Но договоримъ общую мысль: не ходятъ киты и большія рыбы въ этой тихой заводи. А живутъ здѣсь тихіе и благородные русскіе карпы, русскіе караси, и какая еще ей полагается русская мирная рыба. И лѣсокъ кругомъ заводи. И чистое небо въ нее смотрится. И весь этотъ край благословенный. Да такъ это и должно быть: вѣдь изъ него выходитъ благословеніе и благодать на всю Русь...

Такое впечатлѣніе я пережилъ, читая у трудолюбиваго и талантливаго ученика и преемника по кафедрѣ въ Спб. духовной академіи В. В. Болотова, —А. И. Бриллиантова—его „Характеристику ученой дѣятельности В. В. Болотова, какъ церковнаго историка“, и „Профессоръ В. В. Болотовъ. Біографическій очеркъ“, и просматривая три тома собранныхъ по рукописамъ и изданныхъ теперь „Лекцій по исторіи древней церкви В. В. Болотова“ (посмертное изданіе подъ редакціей А. Бриллиантова). Имя Болотова, какъ лучшаго ученаго послѣдней четверти ХІХ вѣка, извѣстно; между тѣмъ, вся его жизнь и личность до того скромны, что проникаешься какимъ-то нѣжнымъ уваженіемъ ко всему его духовному облику. Этому отвѣчаетъ и его внѣшность,—до того духовно-семинарская, что кажется символической и вѣчной для сословія и образованія! Что-то упрямое, упорное, смѣлое, полное безконечной внутренней инициативы и непрестанной работы мысли, лицо вмѣстѣ съ тѣмъ говорить: „ни на вершокъ вправо или влѣво, а только—по желѣзнымъ рельсамъ, на которые вмѣсто мягкой подушки родила меня родная матушка; и я съ тѣхъ поръ только и умѣю ходить по желѣзнымъ рельсамъ, никуда не сворачивая и ими ограничиваясь, по волѣ матушки, по волѣ Святыхъ Отцовъ и нашего епархіаль-

наго начальства“. Европейскій ученый, съ удивительнымъ даромъ, страстью и вкусомъ: 1) къ лингвисткѣ, 2) хронологіи и географіи, 3) къ церковно-богословской догматикѣ, 4) къ чистой математикѣ,—онъ все это соединилъ, слилъ въ себѣ, какъ 5) въ церковномъ историкѣ. Собственно, по этому разнообразію, казалось бы, вовсе несовмѣстимыхъ даровъ и страстей (онъ высшую математику любилъ *со страстью*) онъ былъ вполнѣ феноменъ, и съ нимъ не могутъ сравниться даже такія свѣтила науки, какъ историкъ С. М. Соловьевъ, философъ Владиміръ Соловьевъ, В. О. Ключевскій и даже творцы новыхъ открытій—Менделѣевъ и Бутлеровъ. И что же, живя много лѣтъ сперва въ одной комнаткѣ, потомъ въ квартирѣ изъ двухъ комнатъ, не читая вовсе газетъ, а изъ журналовъ только два-три духовныхъ, онъ никуда не выходилъ, кромѣ, какъ къ церковной службѣ и въ свою духовную академію, и вмѣстѣ явился...

Полнымъ обворожительности „службистомъ“...

Онъ точно „забылъ себя“ въ родномъ домѣ, у матушки, въ четыре окна, въ селѣ Кравотыни (на берегу озера Селигера, въ двѣнадцати верстахъ отъ уѣзднаго города Осташкова). Любя чрезвычайно астрономію и геодезію, онъ точно вычислилъ географическое положеніе своей любимой Кравотыни (широту и долготу) и разыскалъ древнѣйшія извѣстія по лѣтописямъ о Кравотыни, о географію его имени (Кровотынь или Кравотынь), равно какъ и исторію клира, т. е. имена священниковъ, діаконовъ и дьячковъ родной Введенской церкви, гдѣ его отецъ былъ дьячкомъ. Всѣ эти, казалось бы, мелочи не такъ пусты: мы читаемъ въ нихъ прелестнѣйшее направленіе ума, который не убѣгаетъ отъ родины, не спѣшитъ „въ заграницы“, рыская тамъ и ищучи себѣ славы, а оборачивается назадъ, къ рожденію и родинѣ, и сберегаетъ, и обдумываетъ каждое перышко родного гнѣзда, которое его

когда-то грѣло. Отець его еще до рожденія перваго ребенка несчастнымъ образомъ погибъ, загоняя гусей съ полыни: ледъ проломился, и больше его никто не видѣлъ. Но не растерялась молодая дьячиха, Марья Ивановна, урожденная Вишнякова: „въ такомъ положеніи“ она вернулась изъ Осташкова (гдѣ мужъ ея былъ дьячкомъ) къ родной матери въ Кравотынь, родила здѣсь сына и вся отдалась его воспитанію. Объ ея прекрасномъ уравновѣшенномъ умѣ и неустаннымъ трудолюбіи много рассказывалъ впослѣдствіи знаменитый сынъ. Подготовивъ дома, она свезла его на санкахъ „вручную“ въ духовное училище... Но и изъ Петербурга, уже ученый профессоръ, онъ на лѣто всегда возвращался къ матери: ветхій домикъ ихъ о четырехъ окошкѣхъ „заключалъ пространство всего въ 9×8 квадратныхъ *аршинъ*“ (?!—прямо невѣроятно, но такъ сказано у точнѣйшаго А. И. Бриллиантова), — съ болѣе чѣмъ скромнымъ убранствомъ, которое всегда оставалось одно и то же. Время его и здѣсь проходило главнымъ образомъ въ научныхъ занятіяхъ съ книгами, привезенными изъ Петербурга, въ содѣйствіи матери въ ея хлопотахъ по хозяйству, частью въ прогулкахъ и бесѣдахъ съ какимъ-либо гостемъ. Онъ самъ ставилъ самоваръ, даже готовилъ обѣдъ, а въ 1898 году ему пришлось ухаживать за больною матерью, которая прожила до глубокой старости и скончалась за десять мѣсяцевъ до кончины своего сына. Передъ возвращеніемъ на службу въ Петербургъ, онъ, не оставляя еще ученическаго своего правила, совершалъ паломничество съ матерью пѣшкомъ въ ближайшую пустынь преподобнаго Нила Столбенскаго для поклоненія мощамъ угодника. Здѣсь послѣ богослуженія онъ заходилъ къ настоятелю архимандриту Арсенію (1871—1898) и до вечера проводилъ время въ бесѣдѣ съ нимъ.

Такъ уставно, не мѣняясь, благочестиво протекла его жизнь, въ сущности—счастливейшимъ образомъ. Въ то время, какъ всё кругомъ его, вся русская жизнь кругомъ, почитала себя несчастною, томилась въ театрахъ, тошнилась въ оперѣ и опереткѣ, задыхалась отъ скуки въ публичныхъ чтеніяхъ и на балахъ,—одинъ Василій Васильевичъ Болóтовъ (удареніе на второмъ „о“, какъ онъ доискался) цвѣлъ благополучіемъ—жалѣлъ, зачѣмъ въ суткахъ не болѣе 24 часовъ, ибо ему времени вѣчно не хватало,—и быстро поспѣшалъ повсюду, никуда не выходя изъ своей комнаты. Только въ полномъ счастіи и полномъ удовлетвореніи лежитъ разгадка его личности и всѣхъ успѣховъ въ наукѣ: не томимый ничѣмъ, не томимый черными грѣхами завидованія и ревности ученой, онъ безъ помѣхи только учился, только учился, только работалъ, только работалъ. И такъ какъ феноменальная память его никогда ничего не забывала, такъ какъ онъ имѣлъ рвеніе и вкусъ по тремъ направленіямъ—исторіи, лингвистики и математики,—то не мудрено, что онъ съ каждымъ годомъ пухъ ученымъ образомъ, и еще въ среднихъ годахъ возраста везъ въ себѣ и за собою такой огромный возъ всякихъ свѣдѣній, какого не подь силу нѣсколькимъ профессорамъ.

И всё его любили и уважали; всё „почитали“. Трогательно читать, какъ митрополитъ (Антоній) и Вл. К. Саблеръ заботились о его здоровьи и посѣщали его больного въ клиникѣ. И это вовсе не пустяки, какъ показалось бы съ „высокоумныхъ точекъ зрѣнія“: онъ видѣлъ и здѣсь себя счастливымъ самою простою и самою выразительною формою счастья,—что всѣмъ полезенъ, нуженъ, необходимъ, и всё это чувствуютъ и берутъ у него, какъ крестьяне черпаютъ бадьею чистую воду изъ мѣстнаго колодца, не разсуждая и благодаря. Всю жизнь поить окружающихъ и чувствовать неистощимость водъ—конечно, это высшій удѣлъ

человѣка на землѣ. Громадныя его способности и сознаніе, что вода изъ его колодца—чистѣйшая, конечно, давали высшую форму духовнаго удовлетворенія.

Отсюда-то и вытекли подробности его жизни,— что онъ въ одномъ „я“ совмѣстилъ Александра Македонскаго и Діогена. По существу онъ былъ Діогенъ, ни въ чемъ не нуждавшійся. Вѣдь и всякій ученый въ задачѣ своей—Діогенъ. Но громада его дарованій такъ сказать всосала „Персію и Индію“ въ его бочку. Всѣ страны „наукъ и вѣдѣній“, если можно такъ выразиться, вползли сами къ нему въ бочку, ища помѣститься въ его драгоценной головѣ. Лицо его на портретѣ, постановка плечъ и шеи и нѣсколько наивные глаза—даютъ идеальное представленіе осташковскаго семинариста; но поразительно благородное строеніе лба,—и оно говоритъ о чемъ-то европейскомъ, о лучшемъ европейскомъ. Такъ и слились въ его „я“ Осташковъ и Европа, Діогенъ и царь Александръ.

А вотъ и сюртучекъ новый (на портретѣ), аккуратно застегнуть. И манишка, и галстукъ. Все удалось профессору. Его не только митрополитъ и оберъ-прокуроръ любятъ и цѣнятъ, но и особо уважаетъ „Василія Васильевича“ портной и шьетъ сюртукъ съ особымъ усердіемъ. Все удается. Все хорошо. Все ладно. Поэтому хотя его призваніе было написать для Россіи великолѣпную и *первую* у насъ „Исторію христіанской церкви“, которая бы не уступила ни одной европейской и украсила бы родную науку и литературу,—но онъ, „забывъ себя въ селѣ“, такъ и не исполнилъ этого...

И здѣсь,—пообѣщавъ безграничное, не далъ ничего. Кто очень счастливъ въ жизни,—и уходитъ весь „въ жизнь“, оставляя „по ту сторону гроба“ очень малое или ничтожное (сравнительно).

Но это почти хорошо въ немъ и идетъ къ нему. Прибавься бы огромный трудъ, „украшающій отече-

ство“, могло бы быть мѣсто подозрѣніямъ въ славолюбіи, въ честолюбіи. Демонъ завистливъ и всегда чернить челоуѣка,—если не дѣломъ, то клеветою. Василій Васильевичъ не далъ ничего демону, и стоитъ совершенно чистъ передъ Богомъ, какъ сущій праведникъ:

— Я совершенно счастливъ и безъ „Исторіи церкви“...

Думалось:

— Да, ты совершенно счастливъ, какъ *воплощеніе церкви*—и, пожалуй, это дѣйствительно лучше, чѣмъ „Исторія церкви“,—лучше, рѣже и труднѣе. Молился ты съ дѣтства Нилу Столбенскому,—и святой угодникъ далъ тебѣ мантию свою, и въ XIX вѣкѣ ты самъ явилъ Нила Столбенскаго, явилъ въ наукѣ, въ антуражѣ всей цивилизаціи, твердя, какъ и тотъ: «*quieta non movete*».

Это „*quieta non movete*“ онъ повторилъ по вопросу о перемѣнѣ календаря. „Реформа была уже готова, всѣ ея желали и на нее были согласны; но онъ остановилъ ее. Явившись въ комиссію изъ астрономовъ, чиновниковъ и проч., „отъ духовной академіи и по порученію Св. Синода“,—онъ всѣхъ поразилъ своими знаніями, даже и въ астрономіи и математикѣ, и спросилъ язвительно: „Зачѣмъ же *собственно и дѣловыми образомъ* вамъ реформа?“... „Не говоря уже о сліянніи Россіи съ реформою календаря папы Григорія (*Григоріанскій* календарь), о чемъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ эта католическая реформа сама не только не имѣетъ оправданія, но и извиненія,—принятіе даже болѣе вѣрныхъ поправокъ астрономовъ XIX вѣка не обѣщаетъ никакихъ существенныхъ выгодъ, при несомнѣнныхъ опасностяхъ для религіознаго сознанія народа, въ смыслѣ его покоя“. Въ самомъ дѣлѣ, при *абсолютной* поправкѣ календаря мы все равно разойдемся съ Западною Европою; а между тѣмъ единство

съ нею въ счетъ чиселъ мѣсяцевъ есть главный мотивъ реформы. Если же мы послѣдуемъ этому главному мотиву и приняли бы Григоріанскую реформу, то получимъ календарь невѣрный, который пришлось бы со временемъ мѣнять. Гораздо удобнѣе поэтому остаться при старомъ Юліанскомъ календарѣ.

Василій Васильевичъ Болотовъ (лишь въ Петербургѣ его стали звать „Болотовымъ“, на дворянскій лады) явилъ собою самый незамутненный образъ тихого православія, которое—хорошо это или нѣтъ—уже неотдѣлимо отъ представленія села, сельской церкви, народной гурьбы и умѣряющаго все вечерняго колокола, зовущаго къ вечерней службѣ. Все уставно, тихо, коротко и счастливо. „Все обстоитъ благополучно“, Русскіе Вольтеры язвятъ эту формулу, а, между тѣмъ, куда отъ нея уйдешь, если „благополучно“ не только въ докладѣ, на словахъ или бумагѣ, а и въ самомъ дѣлѣ—„благополучно“. Для „благополучно“ велись всѣ войны; для „благополучно“ заключались мирные трактаты и союзы; для „благополучно“ звались великіе цари. „Благополучно“—въ самомъ дѣлѣ конецъ и начало земного житія человѣка, который возлагаетъ сложное и премудрое на Бога, полагая, что здѣсь онъ безсиленъ, что здѣсь царствуетъ какой-то Рокъ и Судьба, —ему же, маленькому и ограниченному, оставлено только „быть благополучнымъ“. Эта, казалось бы, коротенькая формула—на самомъ дѣлѣ есть Кантовское рѣшеніе вопроса о жизни. „Ноумены“ бытія и равно „ноумены“ дѣятельностей и движенія стъ насъ сокрыты и въ распоряженіе намъ не даны; и у насъ остаются одни „феномены“, т. е. „критика практическаго разума“. А она сводится къ „благополучію“, но лишь не фальшивому. Но воистину благородный и прекрасный В. В. Болотовъ сознавалъ ясно, что въ его „благополучіи“, и въ благополучіи всѣхъ ихъ, академистовъ,—а, наконецъ, и православной церкви вообще—нѣтъ фальши, а лишь

неодѣлки, недосмотры, неудобства, неладности, которые исправятся, если всякій будетъ превосходно дѣлать свое дѣло, у одного маленькое, у другихъ великое.

Профессору духовной академіи не дано великаго дѣла, великой задачи, великаго права, великаго долга.

И отсюда второе разрѣшеніе имъ жизненной проблемы:

Онъ весь ушелъ въ академическую жизнь и тоже — весело и счастливо, „вѣря, надѣясь и любя“: и въ этой области явилъ образецъ, которому по всему вѣроятію не суждено когда-нибудь превзойтись. На всякой „чредѣ жизни“, большой, маленькой, средней — должно быть нѣкоторое „окончаніе“, нѣкоторый „предѣлъ“ и „лучшее: и вотъ *такое* не то, чтобы въ маленькой, но въ средней дѣятельности профессора академіи, онъ и далъ. Читая у А. А. Бриллиантова воспоминанія о наставникѣ и вѣроятно другѣ — просто не вѣришь словамъ, которыя читаешь: оказывается, Болотовъ не только составлялъ нѣкоторые протоколы разныхъ комиссій, но своей рукой и переписывалъ ихъ на-бѣло! Почеркъ же у него (автографъ подъ портретомъ,) былъ превосходный, четкій, крупный, „какъ разъ для чтенія митрополитовъ“ и вообще знатныхъ особъ, которые уже и стары, и въ чинахъ, и имъ куда вообще „мелочь разбирать“. И трудился нашъ Василій Васильевичъ, трудился и не жаловался. Трудился въ комиссії по поводу введенія новаго календаря, трудился и былъ главнымъ „дѣлопроизводителемъ“ по старо-католическому вопросу, — трудился надъ семинарскою программю по порученію и просьбѣ оберъ-прокурора Св. Синода. Трудился, — но и отдохнулъ же душою, — по воссоединеніи съ нами сиро-халдейскихъ несторіанъ, каковое дѣло принадлежитъ ему движеніемъ и осуществленіемъ главнымъ образомъ. Это было ему великою наградою: такъ какъ нѣсколько тысячъ людей онъ ввелъ въ ему милое православіе. Нужно замѣтить,

онъ не былъ пассивенъ во всѣхъ дѣлахъ,—не былъ „покоренъ“ и „исполненъ“. О, нѣтъ: ясный, какою-то острою стрѣлою летящій впередъ умъ, умъ прямой, смѣлый, рѣшительный въ движеніи и въ формулѣ—его особенность. Въ томъ-то и заключается его особенность и его удивительное, что съ такимъ умомъ въ немъ сочеталась скромность и готовность всего себя, по Спасителю, отдать „дню сему“ („довлѣетъ дни ви злоба его“). „Зачѣмъ намъ думать о недѣлѣ, когда есть четвергъ“. И онъ каждый „четвергъ“ наполнял до пресыщенія заботою, трудомъ...

Участвовалъ въ комиссіи по ревизіи академической бібліотеки и подалъ въ совѣтъ, а потомъ въ Св. Синодъ заявленіе—что ее надо пополнить, особенно по такимъ-то отдѣламъ, и что для этого надо увеличить штатную сумму денегъ на этотъ предметъ. Совѣтъ и Синодъ „признали основательнымъ и исполнили“.

Ему поручались задаванія темъ для кандидатовъ академическихъ. Онъ работалъ надъ этимъ: и проф. Бриллиантовъ приводитъ длинный списокъ специальныхъ темъ, на которыя потомъ появились замѣчательные труды и украсили нашу богословскую и историческую науку.

Ему поручались разборы диссертаций на степени магистра и доктора: и онъ такъ уходилъ въ этотъ предметъ, что его „разборъ“ сочиненія на ученую степень“ иногда разрастался самъ въ цѣлую специальную диссертацию.

Министерству иностранныхъ дѣлъ нужно было вести переговоры и вообще что-то „писать“ и въ отвѣтъ „получать бумаги“ отъ Абиссинцевъ и Колтовъ: ихъ языка въ Петербургѣ никто не зналъ, кромѣ Болотова (и теперь—проф. Тураева), и онъ сдѣлался посредникомъ этихъ сношеній.

„Позвать Болотова“.

Спросить у Болотова“.

„Посовѣтоваться съ Болотовымъ.“

И онъ, какъ солнышко всюду, свѣтилъ своимъ добрымъ православнымъ свѣтомъ, и великимъ разумомъ, и всеобъемлющею ученостью, и чеканнымъ языкомъ.

Онъ, говорятъ, превосходно читалъ лекціи, былъ великолѣпнымъ лекторомъ; читая же его лекціи, собранныя и напечатанныя А. И. Бриллиантовымъ—удивляешься великолѣпному стилю ихъ, точному, яркому, выразительному, легкому. Никакой „каши и мути“ мысли или языка; никакой сантиментальности сужденій; никакой риторичности сужденій, и вообще непріятнаго привкуса ученыхъ книгъ. Онъ страстно входитъ въ детали: но и вообще теченіе исторіи церкви, это величавое громадное теченіе вѣковъ, онъ держитъ на остріѣ своего вниманія и судитъ его спокойно, величественно и очень критически въ отношеніи лицъ и явленій. Замѣчательно, что онъ имѣлъ умъ положительно гордый; и эту гордость давало ему (какъ можно догадываться) громадное личное благочестіе, при которомъ онъ получалъ „духъ“ судить очень рѣшительно, даже предъ лицомъ великихъ Отцовъ церкви. Такъ въ одномъ мѣстѣ мнѣ попалась у него строка: „мы это можемъ думать, несмотря на всякихъ вальсамоновъ“ (прописки съ маленькой буквы). Между тѣмъ Вальсамонъ написалъ толкованія на „Апостольскія правила“, — и эти древнѣйшія толкованія теперь приѣмлются (по козности) „непререкаемо“.

Онъ, несмотря на годы, если не молодые, то и не старые, „сѣлъ“ и былъ посаженъ „старцемъ“ возлѣ церкви. Такъ само собою вышло,—и именно ради его благочестія. Какъ онъ ничего себѣ не искалъ, былъ лишень инстинктовъ власти и славолубія, то къ нему какъ къ „простому смертному“ легко было пойти за

совѣтомъ и величественному митрополиту, и чиновному оберъ-прокурору, и просто „студенту съ дисертаціею“. И всѣ шли. Изъ этого «всѣ шли къ нему» и сложилось „сидѣнье великаго старца“: и кажется необходимо под брать всѣ крупицы его мыслей, его совѣтовъ, его указаній, его рѣшеній. Нужно замѣтить, что все у него было чеканная работа. Нѣсколько лѣтъ назадъ припоминался его взглядъ на обязательность въ *наше время* древняго каноническаго права: «канонично все то, что направлено къ *пользамъ теперешней* церкви», отвѣтилъ этотъ благочестивый челоѣкъ. За истеченіемъ многихъ лѣтъ я привожу его отвѣтъ на вопросъ не буквально: у него сказалось это какъ-то великолѣпнѣе и чеканнѣе, сказалось, какъ вѣчная формула, вѣчная истина. Я былъ пораженъ именно благочестіемъ сужденія, скрытымъ въ истинѣ сужденія. Судя по этому-то вотъ отвѣту, я и думаю, что нужно подобрать «крупицы», и можетъ быть эгимъ займется, окончивъ „Курсъ лекцій“, тотъ же Александръ Ивановичъ Бриллиантовъ.

— «Какъ прекрасны предсмертныя минуты!» — „Иду ко кресту!“ — „Христосъ идетъ!“ — „Богъ идетъ“ — и слова „на какихъ-то восточныхъ языкахъ“ слышны были, когда онъ умиралъ въ Крестовоздвиженской общинѣ (Бриллиантовъ, стр. 55). „Тамъ“ ждала умирающаго его матушка, старая и чистая поповна и (по мужу) дьячиха. „Вотъ и ты пришёлъ: какъ хорошо, что я свезла тебя тогда на салазкахъ въ наше училище“, — сказала старушка. И онъ сказалъ ей:

— Хорошо, матушка. Съ большой моей работой притекли въ православіе десятки тысячъ, которые уже сорокъ лѣтъ просили о воссоединеніи ихъ, да не было имъ отвѣта: не могли внятно они сказать, да и ихъ некому было разумѣючи выслушать. Да и все лѣтъ было всѣмъ. А я поторопился, поватужился — и приняли.

— Да откуда это?

— Изъ Месопотаміи, древняго „Рая“ на землѣ...

И дивно старушкѣ, что сынъ ея потрудился надъ такимъ великимъ дѣломъ, надъ такимъ далекимъ дѣломъ. Такъ, и изъ уѣзда ихняго маленькимъ ручьемъ берется Волга,—а течетъ великими водами въ далекія края...

Русское общество не можетъ не быть благодарно великою благодарностью А. И. Бриллиантову, — безъ рачительности котораго лекціи В. В. Болотова можетъ быть и затерялись бы вовсе. Пожелаемъ, чтобы каждый филологъ университета и женскихъ курсовъ имѣли этотъ классическій „Курсъ лекцій по исторіи древней церкви“ у себя настольною книгою. (Нов. Вр.).

В. Розановъ.

Извѣстія и замѣтки.

Продѣлки „іоаннитокъ“.

19-го іюня с. г. Иркутскій Епархіальный книгоноша г. Шипицынъ пріѣхалъ въ с. Тайшетъ. Было часовъ 6 утра. Являются къ священнику было еще рано. Книгоноша пошелъ прямо на базаръ, занялъ мѣсто и сталъ продавать книги. Рядомъ съ нимъ помѣстился горшечникъ, оказавшійся человѣкомъ очень религіознымъ. Горшечникъ взялъ у книгоноши книжечку, посмотрѣлъ ее и сказалъ:

— У меня сегодня ночевали монашенки изъ Иркутскаго женскаго монастыря... Такъ онѣ такимъ же товаромъ торгуютъ.

— У васъ ночевали монашенки?—переспросилъ книгоноша. Какія же онѣ изъ себя?...

Горшечникъ довольно подробно описалъ, ночевавшихъ у него „монашенокъ“.

— Это „іоаннитки“?—сказалъ книгоноша.

Горшечникъ, очевидно, не слыхалъ еще, что существуютъ на свѣтѣ какія-то „іоанниты“ и „іоаннитки“.

Къ словамъ книгоноши онъ отнесся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Подшло время деревенскаго обѣда (11 час.). Горшечникъ пошелъ домой обѣдать. Его гости сложили все свои вещи на возъ

и запрягли лошадь. Въ моментъ прихода хозяина домой, онѣ были совсѣмъ готовы къ выѣзду. Хозяинъ, предположивъ, что его гости ѣдутъ на базаръ, сказалъ имъ:

— Поѣзжайте скорѣй!... Тамъ еще торговецъ появился съ такимъ же товаромъ...

— А какой онъ изъ себя?... Высокій?... корявый?—переспросили „іоаннитки“, сообразивъ въ чемъ дѣло.

— Да!.. Да!.. Высокій, корявый слегка!..—подтвердилъ горшечникъ.

— А!.. Такъ это нашъ... Пусть себѣ торгуетъ...—успокоили „іоаннитки“ своего хозяина.

А нужно замѣтить, что у г. Шипицина было уже столкновение съ этой партией „іоаннитокъ“ и онѣ хорошо его знаютъ.

„Іоаннитки“ сѣли на возъ и уѣхали въ сосѣднее село.

Проводивъ гостей и пообѣдавъ, хозяева поѣхали на базаръ. Домъ замкнули. Черезъ нѣкоторое время поднялась тревога. Оказалось, что домъ горшечниковъ обокраденъ. Воры проникли чрезъ выставленные окна. Подозрѣніе пало на „іоаннитокъ“. И такъ какъ онѣ сказали, что книгоноша изъ числа ихъ единомышленниковъ, то и его, несмотря на все его протесты, арестовали было... И только послѣ тщательной провѣрки документовъ отпустили. Но все же православный книгоноша пережилъ много непріятныхъ минутъ и... наголодался...

Было бы хорошо, если бы сельскіе священники нашей епархіи хорошенько оповѣстили свои приходы, что „монашенки“ Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря (да и никакого другого) не ѣздить по нашей епархіи съ продажей книгъ и что за иркутскихъ монашенокъ выдаютъ себя сектантки-іоаннитки, ученіе которыхъ и литература строго преслѣдуются. Желательно еще, чтобы сельскіе пастыри сколько возможно сглаживали своимъ радушіемъ тяготы трудовъ православнаго книгоноши, за небольшое сравнительно вознагражденіе дѣлающаго большое, весьма полезное для епархіи дѣло.

Священникъ *Петръ Поповъ*.

И з ъ ж и з н и м и с с і и .

Подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Евгенія, теперь уже епископа Амурскаго и Благовѣщенскаго, 23 іюля состоялось засѣданіе Миссіонерскаго Комитета. Въ числѣ многихъ рассмотрѣнь, между прочимъ, вопросъ о новомъ миссіонерскомъ станѣ при Адыкской церкви, Верхоленскаго уѣзда. Въ виду непосильныхъ для Комитета денежныхъ затратъ, соединенныхъ съ учрежденіемъ стана, станъ рѣшено пока не открывать, а священника Адыкской церкви имѣть сотрудникомъ миссіи, съ назначеніемъ ему потребной суммы на разъѣзды по улусамъ, входящимъ теперь въ составъ Ольхоновскаго стана.

Прогонное вознагражденіе о.о. миссіонерамъ въ 1914 году постановлено выдать—за 1-е полугодіе въ полномъ размѣрѣ, какъ было ранѣе, а за 2-е полугодіе—по сокращенному расписанію 1913 года, въ виду недостатка общепархіальнаго прогоннаго кредита.

Въ распоряженіе о. благочиннаго миссіонерскихъ церквей, Балаганскаго уѣзда отпущено 270 руб. на ремонтъ Аларскаго храма, Молькинской школы и квартиры псаломщика и школы въ станѣ Одиссинскомъ.

Миссіонерскую школу въ Еланцинскомъ станѣ перенести изъ Барсайскаго улуса въ самое село Еланцинское, гдѣ жертвователемъ М. А. Сапожниковымъ построено прекрасное зданіе для школы, съ общежитіемъ для учениковъ. Вблизи Еланцовъ нѣсколько улусовъ, могущихъ дать до 25 учащихся.

Возбужденъ вопросъ объ отдѣленіи къ Еланцинскому стану деревни Кувтинской, Косостепскаго прихода, какъ близъ лежащей, а къ Косостепскому приходу взамѣнъ этого—трехъ улусовъ Еланцинскаго стана, расположеннаго ближе къ Косой Степи, чѣмъ Еланцамъ. Священника Косостепской церкви имѣть сотрудникомъ-миссіонеромъ, съ выдачею ему разъѣздныхъ суммъ.

По усиленному ходатайству благочиннаго Флоренсова, постановлено отмѣтить пожертвованія на нужды миссіи торговца села Тунки Конст. Инн. Загоскина—преподаніемъ ему Архипастырскаго благословенія съ выдачею грамоты.

Преосвященный Владыка Евгений сообщил много очень интереснаго изъ своей только что совершенной поѣздки по Иркутскому и Верхоленскому уѣздамъ, иллюстрируя вѣкоторое фотографическими снимками.

Поѣздка была миссіонерская. Предпринята съ цѣлью ознакомленія съ жизнью, бытомъ и вѣрованіями бурятъ Верхоленскаго уѣзда. Всего посѣщено 45 пунктовъ, въ томъ числѣ 16 бурятскихъ улусовъ, болѣе 1.000 в. на лошадяхъ. Съ значительными трудностями посѣщались улусы, къ которымъ приходилось пробираться по проселочной дорогѣ—черезъ рытвины, болота, плохо устроенные мосты... Во всякомъ улусѣ Владыка черезъ переводчика о. Махочкѣва вель съ бурятами миссіонерскую бесѣду, изясняя имъ ихъ шаманскія заблужденія и выясняя высоту ученія христіанскаго, убѣждалъ вѣровать въ истиннаго Бога и святыхъ Его, особенно святителей Николая и Иннокентія. Долго буряты ссылаются на вѣру своихъ предковъ, но въ концѣ убѣдительной бесѣды Владыки начинали соглашаться, что многое по шаманской вѣрѣ они дѣлають напрасно: „брызгають“, рѣжутъ на тайлаганахъ по нѣскольکو десятковъ кобыль, колють барановъ и шкуры ихъ вывѣшиваютъ на высокихъ шестахъ и под.

Посѣтилъ Владыка о. Ольхонъ, переплывъ черезъ Малое море Байкала. Въ улусѣ Семисосенномъ, послѣ обычнаго богослуженія въ храмѣ, совершилъ на близъ лежащей скалѣ паннихиду по „въ нечаяніи погибшимъ“ въ 1903 году 185 челевѣкахъ, плившимъ на баржѣ, разбитой о скалу „Сармой“ (крайне опасный байкальскій вѣтеръ) и здѣсь погребеннымъ. Поздній вечеръ. Высокая, саж. въ 30 надъ моремъ скала, окутанная густымъ туманомъ. На ней большой деревянный крестъ—общій памятникъ погибшимъ... Всѣ мы пѣли паннихиду. Впечатлѣніе сильное... 3-е іюля с. г. было днемъ знаменательнымъ въ жизни бурятъ. Какъ извѣстно, на Ольхонѣ существуетъ „шаманскій камень“ (двѣ конусообразныя скалы, выдающіяся въ море); по вѣрованію бурятъ—камень священный, на немъ живетъ богъ и таинственные духи. Не только бывать, но и ѣхать близко мимо него буряты боятся, чтобы не навлечь гнѣвъ бога. Въ камнѣ—священная пещера (пропона въ трещинѣ скалы), гдѣ временами бываютъ только ламы для принесенія умилостиви-

тельныхъ жертвъ. Когда мы прибыли въ улусъ Хужирь—въ 4-хъ верстахъ отъ шаманскаго камня, Владыка послѣ длинной мисіонерской бесѣды съ собравшимися инородцами, оставившей замѣтно сильное впечатлѣніе на нихъ, предложилъ бурятамъ поѣхать вмѣстѣ съ нами на лодкѣ къ шаманскому камню, куда къ прѣзду Владыки принесенъ былъ изъ улуса Семисосеннаго большой образъ Св. Николая для часовни его имени, построенной около самаго шаманскаго камня.

При общемъ убѣжденіи всѣхъ сопровождавшихъ Владыку въ томъ, что буряты ни за что не согласятся нарушить праѣдовскую традицію и не смогутъ преодолѣть страха предъ таинственными силами камня,—они, сверхъ всякаго чаянія, расположенные бесѣдой Его Преосвященства, согласились плыть съ нами къ камню, а что было особенно важно, такъ это то, что въ числѣ другихъ поѣхали два шамана, изъ нихъ одинъ—Харамунъ Номхановъ, самый главный изъ всѣхъ шамановъ округа, другой, сравнительно, молодой. Дуль вѣтеръ, насъ сильно качало, по мѣрѣ приближенія къ камню вѣтеръ усиливался. На лицѣ буряты изображался страхъ: про себя они думали, что духи не хотятъ допустить ихъ и потопятъ въ морѣ.

Подплывая къ камню, всѣ мы, вставши, громогласно запѣли тропарь св. Николаю, тропарь и кондакъ св. Иннокентію. Была дивная минута... Со страхомъ вышли буряты на берегъ и нерѣшительно послѣдовали за Владыкой къ часовнѣ около камня. Предъ молебномъ, видя, что нѣкоторые ставятъ предъ образами свѣчи, Владыка бесплатно роздалъ имъ каждому по свѣчѣ, съ которыми они и стояли во все время молебна, молясь по своему: сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, то поднимали, то опускали ихъ...

Послѣ молебна, нѣсколько оправившись, они за Владыкой, преодолевая внутренній трепеть, стали взбираться на никогда непосѣщаемый ими шаманскій камень, съ замѣтнымъ страхомъ спустились въ священную пещеру, пугливо озираясь по сторонамъ, и нѣсколько повеселѣли, когда вышли изъ нея здоровыми и невредимыми... Послѣ этого, съ большими трудностями взобрались на вторую скалу, выходящую въ море; тамъ вооруженъ большой деревянный крестъ; когда и оттуда они вернулись невредимыми, сдѣлались

еще радостнѣе. Теперь имъ стало ясно, что никакихъ злыхъ духовъ здѣсь нѣтъ и всё завуливаніе со стороны ламъ были напрасны.

Владыка, пользуясь тѣмъ, что здѣсь часовня во имя св. Николая, предложилъ имъ, самый камень вмѣсто „шаманскаго“ именовать на будущее время „камень св. Николая“, на что они охотно согласились. Съ благословенія Владыки, въ часовнѣ нами оставлена слѣдующая записка: „3 іюля 1914 г. послѣ молебнаго пѣнія святителю и чудотворцу Николаю, совершеннаго начальникомъ Иркутской Православной миссіи, Епископомъ Киренскимъ Евгеніемъ, икона св. Николая была поставлена въ сей часовнѣ. При совершеніи богослуженія присутствовали христіане и буряты-шаманисты; послѣдніе преодолѣли свой страхъ предъ таинственными силами духовъ шаманскаго камня и вмѣстѣ со своимъ главнымъ шаманомъ Харамуномъ Номхановымъ молились св. Николаю и были въ пещерѣ шаманскаго камня, къ которому прежде каждый изъ нихъ боялся даже приблизиться. Да сокрушатся подъ знаменіемъ Креста Христова сопротивныя силы язычества и да обратитъ св. Николай сердца буряты-шаманистовъ ко Христу, всѣхъ насъ Спасителю. И „камень шаманскій“ пусть отселѣ будетъ „камень Святителя Николая“, какъ благодатно освящаемый Его святою иконою и Его незримымъ здѣсь присутствіемъ“... Всема радостные возвращались буряты въ свой улусъ, весело подбрасывая веслами нашу ладью... По прибытіи въ улусъ, отъ избытка сердца, поднесли Владыкѣ въ даръ барана. Онъ благодарилъ ихъ и возвратилъ, прося отдать неимущимъ.

Въ 11 час. ночи на 4-е іюля съ опасностію для жизни при завываніи „Сармы“, мы перебрались съ Ольхона на материкъ. 8-го іюля Владыка возвратился въ Иркутскъ. Теперь нами получены съ Ольхона свѣдѣнія, что буряты около „камня св. Николая“, ничего не боясь, уже ловятъ рыбу, а въ праздники, вмѣстѣ съ русскими, посѣщаютъ часовню, по своему молятся и ставятъ свѣчи... Вѣруемъ, что твердыня шаманская 3 го іюля пала, и пусть этотъ день будетъ днемъ—фундаментомъ вѣры Христовой въ жизни буряты Ольхона...

Глубоко скорбимъ, что Владыка Евгеній, энергично и разумно взявшій въ руки дѣло Иркутской миссіи, въ значительной степени

уже изучившій ее, чтобы поднять и благоустроить,—взять изъ Иркутска въ Благовѣщенскъ... Будетъ новый начальникъ миссіи—новые взгляды и планы..., а чрезъ нѣсколько времени и онъ покинетъ миссію.

По нашему мнѣнію, въ цѣляхъ изученія и благоустройства миссіи, приданія ей устойчивости и опредѣленной системы въ дѣлѣ христіанскаго поученія и обращенія инородцевъ,—необходимо на мѣстѣ имѣть постоянное лицо, въ званіи хотя бы помощника начальника миссіи, которое, ставъ въ непосредственное общеніе съ бурятами, детально изучило бы ихъ бытъ и вѣрованія, ихъ психологію, и подѣ покровомъ начальника миссіи, руководило бы миссіонерскимъ дѣломъ. Можно быть увѣреннымъ, что тогда частая смѣна начальниковъ миссіи была бы для дѣла не такъ чувствительна.

С. Н. П.

Я з ы к ъ н а р о д н ы й.

На 10 мая во Псковѣ предполагалось двойное всероссійское торжество: закладка памятника св. Ольгѣ и закладка храма ея имени въ деревнѣ Выбутахъ, гдѣ, по преданію, она родилась. Къ сожалѣнію, первое торжество не состоялось. Я получилъ извѣстіе, что утвержденіе проекта памятника задерживается и закладка его по этой причинѣ откладывается. Будемъ надѣяться—не надолго. Съ удовлетвореннымъ чувствомъ могу сообщить для почитателей св. Ольги, что *съ нашей стороны* (совѣта общества) сдѣлано уже все нужное для постановки памятника. Исходатайствовано было въ свое время Высочайшее разрѣшеніе на сборъ пожертвованій, выхлопотано (не безъ усилій и препонъ) мѣсто въ гор. Псковѣ для постановки памятника, собраны были разными способами достаточныя денежныя средства, заказанъ и выполненъ въ модели проектъ памятника, одобренный Академіей художествъ, подготовлена почва для закладки,—остается, стало быть, строить монументъ, что не займетъ много времени. Къ сожалѣнію, мы живемъ въ странѣ, гдѣ всѣ процессы совершаются съ необыкновенной медленностью. Какъ въ плохой машинѣ, на вредное „трение“ уходитъ большая часть энергіи и времени, бо-

жественную сущность которыхъ у насъ не умѣютъ цѣнить. Какъ ни печальна задержка въ закладкѣ, вызванная, повидимому, чисто канцелярской волокитой, нынѣшній день св. Ольги будетъ ознаменованъ основаніемъ храма ея имени на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то, около тысячи лѣтъ назадъ, взошла эта утренняя заря нашего православія. Мысль о храмѣ принадлежитъ Ея Величеству греческой королевѣ Ольгѣ Константиновнѣ, ставшей во главѣ особаго комитета. Ея августѣйшей поддержкѣ Россія обязана тѣмъ, что зачинательница нашей вѣры и первая храмоздательница на Руси (на иконахъ св. Ольга чаще всего пишется съ маленькой церковью въ рукѣ) имѣетъ храмъ ея имени въ родной деревнѣ.

Подобное же торжество было въ древнемъ Кіевѣ, на мѣстѣ государственной дѣятельности св. Ольги. 11 іюля состоялась закладка зданія женской гимназіи св. Ольги и соборнаго храма всѣхъ кіевскихъ женскихъ гимназій имени св. Ольги. Увѣренъ, что и въ древнемъ Псковѣ, и въ древнемъ Кіевѣ, и всюду на Руси, святое имя Ольги, мудрѣйшей изъ людей, будетъ пробуждать только мудрость и мужество, необходимыя во всѣ вѣка.

Не всѣ народы, какъ и отдѣльные люди, имѣютъ великихъ предковъ. Особенно мало племенъ, обладающихъ счастьемъ видѣть среди зачинателей своей исторіи и величавый женскій образъ. Если не выходить изъ предѣловъ исторіи въ глубь сказочныхъ преданій, то ни британская Боадицея, ни германская Брунегильда не могутъ итти въ сравненіе съ Ольгой Россійской, спасшей новорожденное государство отъ внутренняго и вѣшняго разгрома. И древяне, и печенѣги заносили гибельный мечъ надъ молодою тогдашней Русью, но встрѣтили со стороны Ольги хоть и *женскій*, но крайне *мужественный* отпоръ. Карамзинъ правъ, называя эту великую женщину—„великимъ мужемъ“, не дѣятельницей, а *дѣятелемъ* по ея государственному безстрашію, по глубокообдуманному пониманію высокой роли, по серьезной, строго выполненной программѣ царствованія. Погасить мятежъ народный послѣ перваго на Руси царубійства, отстоять единоедержавіе въ потомствѣ Рюрика, воспитать въ лицѣ сына будущаго великаго государя, способнаго царствовать „на славу намъ и на страхъ врагамъ“ (этотъ принципъ нашего народнаго гимна впервые вы-

сказанъ отважнымъ сыномъ Ольги), подготовить для него и для великаго внука дружину богатырей (инструкторомъ которыхъ, повидимому, явился Добрыня Никитичъ), подготовить для будущихъ царей устроенное, культурное государство (походы Ольги на сѣверъ), подготовить принятіе высшей цивилизаціи и христіанства, въ которыхъ государственность оставалась бы варварскою — вотъ, мнѣ кажется, какова была программа великой государыни, выполненная ею блистательно. Не растеряться послѣ убійства мужа, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ всякая освротѣвшая вдова, не пойти на уступки, а перейти въ наступленіе, рѣшительное и побѣдоносное, — для этого нуженъ былъ богатырскій, чисто львиный духъ. Недаромъ на монетѣ того времени (куна руссовъ) на одной сторонѣ помѣщены профильныя изображенія Ольги и Святослава, а на другой, въ видѣ тогдашняго государственнаго герба, — прыгающій левъ. Что-то львиное и непобѣдимое было въ Ольгѣ — язычницѣ, и если правда, что великіе сыновья выходятъ чаще въ мать, чѣмъ въ отца, то уже по Святославу вы можете судить что такое была Ольга, какого она была тѣла и какого духа. На названной монетѣ (хранящейся, къ сожалѣнію, въ заграничномъ музеѣ) Ольга въ профиль схожа съ Святославомъ, наружность котораго описана Цимисхиємъ. По могучимъ вѣтвямъ можно судить о стволѣ дерева. Очевидно, необходимо было огромное сосредоточеніе жизненной силы въ Ольгѣ, чтобы она могла явиться праматерью такихъ богатырей, какъ Святославъ, Владиміръ, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ и дальнѣйшее шестьсотъ лѣтъ царствовавшее потомство. Жизненность породы доказывается и тѣмъ, что и до сихъ поръ, черезъ 900 лѣтъ послѣ Ольги, прямые потомки ея въ Россіи считаются тысячами, а по женскимъ линіямъ ихъ и счесть нельзя. Живая мать нашей государственности и вѣры, праматерь царей и святыхъ, св. Ольга можетъ по справедливости признаваться матерью народа русскаго. Историческіе завѣты св. Ольги должны быть извлечены изъ забвенія и должны почитаться, какъ материнскіе завѣты.

Такъ какъ постановкою памятника св. Ольгѣ не оканчивается дѣятельность всероссійскаго общества ея имени, а только начинается, — я не разъ думалъ о томъ, что же мы будемъ дѣлать

дальше? Уставъ общества указываетъ общія благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Но устройство школъ, богадѣлень, пріютовъ и т. п., при всей почтенности этихъ задачъ, не представить чего-либо такого, что отличало бы общество св. Ольги отъ безчисленнаго множества другихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ организацій. Мнѣ кажется, съ именемъ св. Ольги, какъ матери народа русскаго, слѣдовало бы связать какую-нибудь особенно благоую дѣятельность, отвѣчающую именно этому материнству. Недавно образовавшееся общество охраны младенчества и материнства, конечно, имѣло бы полное основаніе избрать своимъ патрономъ первую мать нашихъ государей и первую святую русскаго православія. Но эта мысль или не пришла въ голову, или не была принята новымъ обществомъ. Всероссийское общество св. Ольги, не вторгаясь въ сферу охраны младенчества и материнства по борьбѣ со смертностью, можетъ, мнѣ кажется, взять на себя одну совершенно забытую, никѣмъ не тронутую задачу—моральную охрану той святыни, что связана съ материнствомъ и младенчествомъ. По небреженію церкви и государства, воспитывающихъ народъ, изъ совѣсти народной какъ бы выпаль (или почти выпаль) одинъ изъ самыхъ священныхъ культовъ,—культъ уваженія къ матери и материнству. Я уже писалъ недавно (въ деревенскихъ своихъ замѣткахъ), что современная деревенская молодежь мѣстами прямо поражаетъ сквернословіемъ, вѣвшимися до того глубоко, что языкъ точно совѣмъ прогнилъ самымъ пакостнымъ неприличіемъ. И все это сквернословіе имѣетъ своимъ лейтъ-мотивомъ поруганіе материнства, оплеваніе чести женщины, какъ матери и жены. Позорная „матерщина“ виситъ въ воздухѣ въ Россіи всюду, гдѣ только толпится чернь народная—не только бродяги и преступники, но простые рабочіе, взрослые парни, иногда отцы семействъ, обсыпаютъ другъ друга похабщиной. Ни близость образованной публики, ни присутствіе женщинъ и дѣтей ни останавливаютъ безобразниковъ, а нерѣдко подстрекаютъ ихъ. Именно при дѣвицахъ, дѣтяхъ, старикахъ, старухахъ, предъ господами цинизмъ сквернослововъ разыгрывается и въ изощреніи своемъ доходитъ до безсмыслія. Это достаточно отвратительно, когда происходитъ среди пьяницъ или раздраженныхъ, ругающихся людей.

Но очевидно пьянство и буйство языка уже до того часты, что мѣстами ввели подлую брань въ обиходъ самыхъ трезвыхъ и мирныхъ людей. Сквернять имя матери уже по всякому поводу, и мирному, и немирному, и всерьезъ, и въ шутку. Какъ солью народъ сдабриваетъ всякое блюдо, такъ матерщиной сопровождается всякую мысль, оттѣняетъ и вражду, и ласку, и гнѣвъ, и жалость. Группа непристойныхъ словъ становится какъ бы особой частью рѣчи, какимъ-то ультра-междометіемъ, что ли. Когда-то мерзость, сдѣлавшаяся привычкой, обратилась для многихъ въ потребность, и затѣмъ даже въ необходимость. Отравленная сквернымъ ядомъ рѣчь, какъ мозгъ, отравленный табакомъ или алкоголемъ, теряетъ свою естественную гибкость. Точно хромой безъ костылей, сквернословъ безъ матерщины не въ силахъ сдѣлать и двухъ шаговъ.

У насъ цѣлое столѣтіе жалуются на этотъ смрадный порокъ, и ни церковь, ни государство не принимаютъ противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Священники не борются съ народнымъ сквернословіемъ потому, что не понимаютъ гибельнаго ея вліянія. Государство тоже не борется съ сквернословіемъ, ибо кромѣ священниковъ не имѣетъ близкихъ къ народу, достаточно культурныхъ агентовъ. Многіе склонны думать, что сквернословіе вообще и матерщина въ частности,—вещь безвредная,—это просто пряность рѣчи, возбуждающая умственный аппетитъ. Есть же народы, въ родѣ болгаръ, которые безъ краснаго перца не ѣдятъ, кажется, ни одного блюда, или евреевъ, пропахшихъ чеснокомъ. Такое оправданіе мнѣ кажется довольно слабымъ. Разсуждая такъ, легко помириться и съ повальнымъ пьянствомъ, и съ опіоманіей. Если тѣло явно разрушается примѣсю физическихъ ядовъ, то и духъ человѣческой, несомнѣнно, разстраивается отъ ядовъ психическихъ, отъ нѣкоторыхъ навязчивыхъ внушеній, которыхъ злоба или нечистота разъядаютъ идеальныя начала духа. У насъ миллионы людей не понимаютъ значенія физической загрязненности, хотя она источникъ большинства болѣзней. Точно такъ же не понимаютъ и вреда загрязненной рѣчи, въ стихіи которой зарождается всякій грѣхъ. Насколько великую важность придавалъ Христосъ грѣху злословія, свидѣлствуютъ слѣдующія слова:

„Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвующійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду. Кто же скажетъ брату своему „рака“ (пустой человѣкъ), подлежитъ синадрию, а кто скажетъ „безумный“, подлежитъ геенѣ огненной“ (Мѡ. V, 21—22). Къ сожалѣнію, наши родители, учителя и духовные отцы мало задумываются надъ глубиною этого евангельскаго принципа. Болѣе подробно онъ изъясненъ въ посланіи апостола Іакова (III, 2—12): „Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздывать и все тѣло“. Какъ удилами вложенными въ ротъ, мы управляемъ лошадью, а небольшимъ рулемъ—огромнымъ тѣломъ корабля, такъ, по словамъ апостола, и языкъ: небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Онъ „въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспалитъ кругъ жизни, будучи самъ воспаленъ отъ геены“. Вотъ природа сквернословія, какъ заразы.

Первая забота всякой благочестивой матери—*оберечь дѣтей отъ дурныхъ словъ*, съ которыми связаны неприличныя или недостойныя человѣка мысли. Всякій ребенокъ гораздо раньше встрѣчается съ дурными понятіями, нежели съ дурными фактами, при чемъ слова служатъ проводниками мыслей, а мысли—дѣль. Принимая христіанство, св. Ольга вводила тѣмъ самымъ новую систему общенароднаго воспитанія. За весь родной народъ въ долготу вѣковъ объявлялась война языческому цинизму, разнузданности понятій и, прежде всего, разнузданности словъ. Но, если бы великая государыня возстала изъ мертвыхъ, если бы она обошла Россію и прислушалась къ народной рѣчи,—она, прежде всего, была бы глубоко оскорблена, какъ праматерь безчисленныхъ поколѣній и какъ равноапостольная проповѣдница Христа. Ей показалось бы, можетъ быть, чудовищнымъ и страннымъ, что черезъ 945 лѣтъ послѣ ея смерти ни церковь, ни христіанское государство еще не успѣли приучить народъ къ слову „мать“, какъ къ священному, недоступному ни для какого оскорбленія. Она увидѣла бы, что постоянное, ежедневное, ежеминутное поруганіе материнства въ теченіе столь многихъ вѣковъ само по себѣ сливается въ такой необъятный и всенародный грѣхъ, за кото-

рымъ неминуемо долженъ слѣдовать гибель Господень. И развѣ мы не видимъ *особеннаго* наказанія за этотъ *особенный* народный грѣхъ? Никто изъ народовъ не порочитъ материнство въ столь безчестной степени, какъ русскій народъ, и нигдѣ въ свѣтѣ смертность младенчиковъ не достигаетъ столь ужасающей цифры, какъ у насъ. Между обоими явленіями есть прямая связь. Если народъ оплевываетъ материнство, то не воспитываетъ ли одновременно въ себѣ пренебреженіе къ младенчеству, какъ къ акту материнства? А эта небрежность совершенно безотчетно оплачивается ежегодно милліонами напрасно погибшихъ дѣтскихъ жизней! Величайшая изъ заповѣдей, опредѣляющая отношеніе человека къ людямъ, есть пятая, выдѣляющая единственную аристократію, допущенную Господомъ: отца и мать. Только въ отношеніи ихъ установленъ религиозный долгъ почтенія и указана награда за исполненіе долга: благо жизни и долготія на землѣ. Не можетъ народъ, непрерывно оскорбляющій материнство, быть счастливымъ и долготѣнимъ. Только тѣ народы и тѣ вѣка зацвѣтали счастьемъ, гдѣ уваженіе къ предкамъ (и прежде всего, къ родителямъ) принимало религиозныя формы. Измѣна же предкамъ (сначала въ словахъ, затѣмъ въ нравахъ и законахъ) всюду вела къ крушенію общества.

До тысячелѣтія дня смерти св. Ольги осталось всего 55 лѣтъ. Срокъ недолгій, однако, достаточный для великаго дѣла. Мнѣ кажется, было бы истинно великимъ дѣломъ, если бы за эти 55 лѣтъ удалось отучить народъ нашъ отъ ужаснаго теперешняго сквернословія, — въ частности — отъ такъ называемой матерной брани! Мнѣ скажутъ, что это мечта. Но почему же? Въ меньшій срокъ, всего въ 40 лѣтъ странствованія евреевъ въ пустынь, Моисей отучилъ ихъ отъ множества пороковъ, приобрѣтенныхъ въ египетскомъ рабствѣ. За 55 лѣтъ смѣнятся 55 школьныхъ поколѣній. Если бы допустить, что церковь и государство серьезно и горячо взялись за это Божье дѣло, которому Божья помощь обезпечена, то получился бы во всякомъ случаѣ результатъ существенный, весьма замѣтный. Нужно въ сущности очень не многое: нужно только, чтобы и и церковь, и государство исполнили долгъ свой, который они не отрицаютъ, и отнеслись къ народному

сквернословію, какъ къ преступленію. Если за слово „безумецъ“ сравнительно мягкое—человѣкъ, по словамъ Христа, подлежитъ геенѣ огненной, то не можетъ же церковь и христіанское государство не считать сквернословіе преступленіемъ. А если такъ, то они обязаны бороться съ этимъ порокомъ, какъ съ убійствомъ, воровствомъ и клеветой, т. е. съ величайшей строгостью. Въдъ на то же и существуютъ церковь и государство, чтобы предупредить преступленія, карать ихъ и выводить изъ обычая. Излишне говорить, что въ отношеніи сквернословія этотъ долгъ власти, и церковной, и государственной, пребываетъ у насъ въ бездѣйствіи. Поэтому, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, весьма полезнымъ былъ бы пробуждающій импульсъ изъ общества. Какъ было бы хорошо, если бы то же всероссійское общество св. Ольги въ честь праматери православія взяло на себя починъ борьбы съ народнымъ сквернословіемъ. Это было бы историческое и войстину просвѣтительное дѣло. Конечно, мы не въ состояніи совершать многого при нашихъ скромныхъ средствахъ, но при сочувствіи образованныхъ круговъ и самого простонародья средства явятся. Въдъ и само простонародье въ религиозной и трезвой своей части гнушается постыдной привычкой къ брани. Дикій цинизмъ и хамство, опирающіеся на преступную необузданность языка, — угнетаютъ и простой народъ. Вся борьба съ этимъ зломъ свелась бы къ пропагандѣ пониманія его послѣдствій, т. е. къ лекціямъ, брошюрамъ, докладамъ, ходатайстваль передъ правительствомъ, духовнымъ и гражданскимъ и т. п. Если бы удалось привести въ движеніе законъ и власть,—вопросъ былъ бы законченъ. Тысячелѣтіе со дня смерти величайшей нашей государыни и народной матери мы почтили бы тѣмъ, что безсмертной душѣ ея представили бы родное племя облагороженное, очищенное отъ тяжелой язвы, которую особенно больно видѣть сердцу матери. Подумайте объ этомъ, дорогія именинницы, и всё, для кого душа народная — душа родная. (Нов. Вр.).

М. Меньшиковъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

МОСКОВСК. СИНОДАЛЬН. ТИПОГРАФІЯ.

(Москва, Никольская улица).

Книги Священнаго Писанія, богослужебныя, церковно-историческія и духовно-нравственныя.

Евангеліе въ 4 д., въ порядкѣ церковныхъ чтеній изложенное (апракосъ), съ кин., цвѣтной обгородкой и хромофотограф. изображ. св. Евангелистовъ, въ бум. 5 руб., въ колен. 7 руб. 50 коп., въ бархатѣ съ бронз. вызолоч. украш. 17 руб.

Евангеліе, чтемое во святый Великій Четвертокъ на Литургіи, на умовеніи ногъ, и во св. Великій Пятокъ, на утрени и на вечерни, ц. п., въ листъ, съ кин., въ бум. 1 р. 10 к., въ 16 д. безъ кин., бум. 8 к., колен. 20 к.; гр. п. 16 д. бум. 15 к., колен. 35 к. Евангеліе (12 Евангелій), чтом. во св. Вел. Пятокъ на утр. 16 д. сл. и русск. яз., бум. 15 к., коленк. 50 к.; въ 16 д., на русск. яз., въ бум. 10 к., въ коленк. 45 коп.

Евангеліе Пасхальное (на нарѣчіяхъ: греческ., церк.-славян., русск., латинск., болгарск., сербск., польск., чешск. и древнееврейск., съ присовокупленіемъ огласительнаго слова св. Іоанна Златоустаго), въ листъ, съ украшеніями и заставками по золотому фону, каждое нарѣчіе на отдѣльномъ листѣ, въ папкѣ 1 р. 70 к., въ колен. 2 р. 35 к., въ колен. съ золот. тисн. 2 р. 70 к.

Евангеліе на славяно-малорусскомъ языкѣ. Четвероевангеліе и каждый Евангелистъ отдѣльно, въ 16 д. л.; тоже отъ Маттея и Марка отдѣльно въ 32 долю л.; на одномъ малорусскомъ языкѣ отъ Маттея, Марка, Луки и Іоанна въ 32 д. л. Евангеліе Пасхальное на малорусскомъ языкѣ.

Служба на каждый день Страстныхъ седмицы Великаго поста, ц. п., въ 4 д., съ кин., въ 2-хъ книг., въ бум. 2 р. 90 к., въ кожѣ 4 р. 50 к.

Служба и акаѣистъ Пресв. Богородицѣ, въ честь явленія Иверскія Ея иконы, въ 4 д., ц. п. съ кин. и хромофотогр. изобр., въ бум. 30 к., въ колен. 80 к., тоже (старое изд.) въ кор. 35 к., папкѣ 50 к., кож. 55 к.

Служба, житіе и чудеса Св. Николая, Мирликійскаго чудотворца (9 мая и 6 дек.), ц. п., въ 4 д.; въ бум. 95 к., въ колен. 1 р. 50 к., гр. п. 4 д. въ бум. 70 к., въ кореш. 90 к., въ колен. 1 р. 25 к.

Акаѣистъ ко причащенію Божественныхъ Таинъ, самѣмъ только іереомъ приличный, ц. п., въ 8 д., въ бум. 25 к.

Акаѳистъ Божественнымъ Страстямъ Христовымъ, ц. п. съ кин., въ 8 д., въ бум. 25 к., въ 32 д., въ бум. 15 к., въ колен. 35 к., безъ кин., въ бум. 8 к., гр. п. въ 8 д., въ бум. 25 к., въ 32 д., въ бум. 15 к., въ колен. 35 к. Тоже Іоанну Златоусту 8 д., ц. п. съ кин., въ обол. 20 к., гр. п. въ 8 д., въ обол. 25 коп. Тоже Св. Петру и Павлу 8 д., ц. п. съ кин., обол. 25 к.

Благовѣщеніе Пресв. Богородицѣ. Служба на праздникъ Благовѣщенія съ приложеніемъ минейныхъ сказаній, избранныхъ статей, объяснительныхъ примѣчаній и нотныхъ пѣснопѣній, въ 8 д., ц. п. съ кин. и гр. п., съ хромолит. изобр. праздника, въ бум. 65 к., въ колен. 1 р. 5 к., въ колен. саф. кор. 1 р. 25 к., въ саф. 1 р. 65 к., въ шагр. съ зол. обр. 2 р. 5 к.

Входъ Господень въ Іерусалимъ. Тоже, въ бум. 60 к., въ колен. 1 р., въ колен. саф. кор. 1 р. 15 к., въ саф. 1 р. 60 к., въ шагр. зол. обр. 2 р. 35 к.

Великая Суббота (у Гроба Господня). Тоже, въ бум. 80 к., въ колен. 1 р. 15 к., въ кол. саф. кор. 1 р. 30 к., въ саф. 1 р. 80 к., шагр. зоз. обр. 2 р. 55 к.

Вознесеніе Господне. Тоже, въ бум. 55 к., колен. 85 к., колен. саф. кор. 1 р., въ саф. 1 р. 50 к., въ шагр. съ зол. обр. 2 р. 25 к.

Нанонъ великій, твореніе св. Андрея Критскаго, напечат. въ порядкѣ чтенія на 1-й седмицѣ Великаго поста: ц. круп. п. съ кин., въ 8 д., въ бум. 45 к., колен. 75 к., кол. саф. кор. 85 к., кожь 90 к. Ц. п. въ 16 д., въ бум. 20 к., колен. 40 к., кожь 45 коп. Гр. п. въ 16 д., бум. 20 к., колен. 40 к., съ греко-славянорусскими объясненіями, бум. 25 к., Канонъ великій, въ порядкѣ чтенія на 5-й седмицѣ Великаго поста: ц. п. въ 16 д., бум. 20 к., въ колен. 40 к., гр. п. въ 16 д., въ бум. 20 к., въ колен. 40 коп.

Каталогъ бесплатно.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Разрядный списокъ воспитанниковъ Иркутск. церковно-учительской семинаріи, окончившихъ полный курсъ ученія въ 1914 г.—Отъ председателя Иркутскаго Епархіальнаго Ревизионнаго Комитета.—Благодарность.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Чудеса по молитвамъ Блаженнаго Епископа Софронія.—Баптизмъ.—Великій наставникъ юности.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Редакторъ Преподаватель Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Дроздовъ.

Печатать разрѣшается: 15 августа 1914 года. За Цензора священникъ Николай Часоводовъ.

Иркутская Губернская Типографія.